

П.А. Минакир, С.Н. Найден

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ДЕФЕКТ ИДЕЙ ИЛИ ПРОВАЛ ИНСТИТУТОВ?

В качестве важнейшего приоритета развития Дальнего Востока и реализации государственной политики в регионе декларируются закрепление населения и увеличение человеческого капитала, в том числе за счет обеспечения привлекательных условий и высоких стандартов уровня и качества жизни. При этом несмотря на создание дополнительных институциональных стимулов, принятие специальных программ на государственном уровне и присоединение в 2018 г. к Дальневосточному федеральному округу двух субъектов, параметры, характеризующие социально-демографическую динамику в макрорегионе, остаются ниже ожидаемых. На основе анализа показателей движения населения, доходов и расходов населения, качества жизни в субъектах ДФО (причем для всех одиннадцати входящих в него субъектов) продемонстрированы тенденции и достигнутые результаты применения «косвенных институциональных стимулов». Авторы приходят к выводу, что по прошествии 30 лет реформ, направленных на повышение уровня и качества жизни населения в стране и создание комфортных условий для жизни на Дальнем Востоке, факторы, препятствующие этим процессам, остаются неизменными. Следовательно, неудачи в стабилизации демографического потенциала и развитии социальной системы на Дальнем Востоке обусловлены в основном неверным акцентом государственной политики в этой области на «институциональное регулирование», т.е. в провале институциональной парадигмы достижения программной цели.

Ключевые слова: демография; миграция; доходы и расходы населения; бедность; качество жизни; Дальний Восток

Для цитирования: *Минакир П.А., Найдено С.Н.* Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефект идей или провал институтов? // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 3 (107). – С. 30–61. DOI: 10.15372/REG20200302.

ВВЕДЕНИЕ

Вот уже более полутора веков не сходит с повестки дня общая идея развития российского Дальнего Востока, которая претерпела, конечно, существенную модификацию: от тактики колонизации новых территориальных приобретений империи, через создание военно-политического форпоста на Тихом океане и до формирования ускоренно развивающегося анклава, интегрированного в субглобальную экономическую систему. Исследования и описания этих исторических этапов, содержание соответствующих поворотов национальной экономической и социальной политики отражены в обширной научной литературе [1; 8; 10; 11], посвященной экономическим, социальным, политическим и даже технологическим аспектам регионального развития¹. В качестве объекта государственной экономической политики Дальний Восток многократно претерпевал изменения², но неизменной оставалась программная основа формирования и реализации государственной политики.

Начиная с первой государственной программы развития Дальнего Востока (1987 г.)³ привлечение и закрепление населения традиционно декларировались как важнейший приоритет государственной полити-

¹ См. также: *Минакир П.А.* Исследование экономики Дальнего Востока. 1975–2000. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017; *Минакир П.А.* Экономика регионов: Дальний Восток. – М.: Экономика, 2006.

² Об изменениях в территориальном составе Дальнего Востока см.: *Минакир П.А.* Экономика регионов: Дальний Восток. – С. 135–140, 157–158; Указ Президента РФ от 3 ноября 2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71996370/>.

³ См.: *Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года*: Утв. Постановлением ЦК КПСС

ки в отношении этого региона. К 2000 г. предполагалось увеличение численности населения региона⁴ до 9,2 млн чел., в том числе до 8,2 млн чел. к 1991 г. Эти ожидания основывались на реальных проектах промышленного и инфраструктурного строительства в регионе, а также на программах его социального развития⁵. В 1990 г. ожидания почти оправдались – численность населения составила 8,08 млн чел., но уже в 1991 г. среднегодовой темп прироста населения в 1,4% в среднем за 1981–1990 гг. сменился снижением численности жителей на 0,3%, причем все снижение было обусловлено миграцией⁶.

ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Переход к «шоковой терапии», сопровождавшийся политическим развалом страны и разрушением производственной структуры, разрывом технологических и логистических связей, резко изменил тренд формирования населения на Дальнем Востоке. Миграция стала терять значение как фактор прироста населения. Если до 1960 г. за счет миграции обеспечивалось около 50% прироста численности жителей, а в 1961–1985 гг. – примерно 30%, то в 1986–1990 гг. эта доля снизилась до 17%, а в 1989–1990 гг. миграция стала и вовсе отрицательным фактором (уменьшение численности населения региона составило в эти годы 11,3 тыс. чел.). В 1991 г. отток населения впервые превысил его естественный прирост⁷. Начался длительный период сокращения численности жителей в регионе (рис. 1), что происходило как за счет миграции, так и за счет отрицательного естественного прироста.

и Совета Министров СССР от 19 августа 1987 г. № 958 «О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_14218.htm .

⁴ Под регионом здесь имеется в виду Дальневосточный экономический район в составе Приморского и Хабаровского краев, Якутской АССР, Амурской, Камчатской, Магаданской и Сахалинской областей.

⁵ См.: Минакир П.А. Экономика регионов: Дальний Восток. – С. 341.

⁶ Там же. – С. 341–342.

⁷ Там же. – С. 616–617.

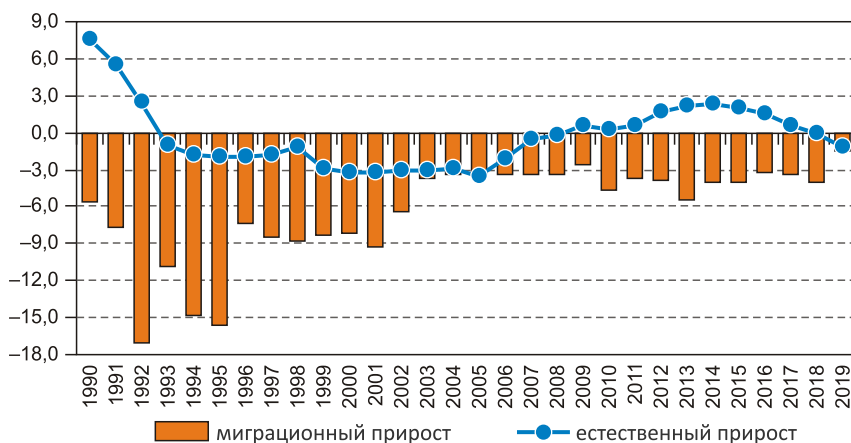

Рис. 1. Коэффициенты прироста населения Дальневосточного федерального округа, на 1000 чел.

Источники: Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2002–2019; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2019 г.: Стат. бюлл. / Росстат. – М., 2019. – С. 49–50

Как неоднократно отмечалось в научной литературе⁸, миграционные потери были обусловлены рядом объективных тенденций, которые в совокупности вызвали шок на рынке занятости (практически одномоментное сокращение спроса на труд) и соответствующее снижение цены труда в регионе. Это способствовало быстрой утрате конкурентоспособности Дальнего Востока по доходам, ранее компенсировавшим сравнительно низкий уровень комфортности проживания в регионе по сравнению с другими районами страны. Еще одной, и во многом важнейшей, причиной стремительной смены положительного знака миграционного оборота на отрицательный стал крах такого фундаментального с точки зрения заселения Дальнего Востока социального института, как гарантии сохранения за выезжавшими на Дальний Восток права на жилье в «родных» районах. Разрушение этого института, а также фактическая ликвидация вто-

⁸ См., например: Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, вып. 4. – С. 1025. DOI: 10.17059/2017-4-4.

рого фундаментального института – гарантии аккумуляции переселенцами накоплений, обеспечивающих комфортную будущую «последальневосточную» жизнь⁹, предопределили откат региона в плане численности населения примерно на уровень середины 1970-х годов¹⁰.

Присоединение к Дальневосточному федеральному округу в 2018 г. Республики Бурятия и Забайкальского края (относительно благополучных с точки зрения демографической динамики) улучшило динамику, сложившуюся в период 2009–2017 гг., когда положительные и сравнительно высокие значения коэффициента естественного прироста населения на этих территориях в совокупности с высокими значениями для Республики Саха (Якутия) и Чукотского АО (табл. 1) сформировали небольшой «гребень» кривой естественного прироста населения в целом для Дальнего Востока (см. рис. 1).

Впрочем, традиционно высокая рождаемость у коренного национального населения в Республике Саха (Якутия), Республике Бурятия, Камчатском крае, Чукотском автономном округе, Забайкальском крае улучшила статистическую картину естественного прироста населения на Дальнем Востоке в сравнении с РФ в целом, но общая негативная ситуация по региону так и не была преодолена, поскольку южная (наиболее населенная) зона демонстрирует монотонную естественную убыль. Даже положительная (или нейтральная) динамика естественного движения населения в 2012–2017 гг. в Хабаровском крае, Магаданской и Сахалинской областях, когда в репродуктивный возраст вступало более многолюдное поколение и его репродуктивное поведение поддерживалось действием материнского капитала и другими институциональными новациями [5, с. 33; 6], не смогла изменить общий устойчивый отрицательный тренд на фоне ухудшающейся возрастной структуры населения. С 2018 г. в целом по региону смертность опять стала превышать рождаемость (на 402 чел. в 2018 г. и на 8957 чел. в 2019 г.). Это дает основание предполагать

⁹ См., например: Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток». – С. 1025.

¹⁰ Данные о численности населения региона с начала XX в. см.: [7, с. 48].

Таблица 1

**Коэффициенты естественного прироста населения Дальневосточного
федерального округа, на 1000 чел.**

Субъект РФ	2010	2015	2017	2018	2019
Республика Бурятия	4,3	5,9	3,8	3,4	1,6
Республика Саха (Якутия)	7,0	8,6	6,4	5,9	5,4
Забайкальский край	2,1	2,5	1,7	0,4	-0,6
Камчатский край	-0,6	1,6	0,9	-0,5	-0,5
Приморский край	-2,5	-0,8	-2,4	-2,9	-3,9
Хабаровский край	-1,7	0,9	-1,0	-1,4	-2,4
Амурская обл.	-1,5	-0,6	-1,6	-2,3	-4,0
Магаданская обл.	-1,5	0,0	-0,5	-1,4	-2,2
Сахалинская обл.	-2,8	0,4	1,0	-0,5	-0,8
Еврейская авт. обл.	-1,9	-1,4	-1,6	-2,0	-3,7
Чукотский АО	0,9	4,1	3,7	1,6	1,4
ДФО	0,3	2,0	0,6	-0,1	-1,1
РФ	-1,7	0,3	-0,9	-1,6	-2,2

Источники: Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010–2019; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2019 г.: Стат. бюлл. / Росстат. – М., 2019. – С. 49.

наличие устойчивого отрицательного тренда в естественном движении населения, и общие показатели естественного прироста населения по ДФО с 2018 г. вернулись в зону отрицательных значений. Конечно, к «естественным» факторам добавятся в перспективе и экстремально негативные результаты пандемии первой половины 2020 г.

В отличие от естественного движения населения региона его механическое движение в течение всего постсоветского периода имело строго однозначный тренд [9]. Коэффициенты миграционного прироста оставались постоянно отрицательными (см. рис. 1). Наименьшее значение отрицательного коэффициента миграционного прироста

регистрировалось в 2019 г. за счет положительных значений в Чукотском АО и нулевых – в Приморском крае и Амурской области. Эти исключения были связаны с созданием на указанных территориях новых рабочих мест, которые привлекли на вахтовой и постоянной основе значительные контингенты трудовых ресурсов (табл. 2). Но общий отрицательный миграционный тренд в целом для региона сохранился. Наиболее интенсивным миграционный обмен остается в дальневосточных субъектах РФ, освоение которых осуществляется в большей степени вахтовым способом. Сложно сказать, сколько среди покинувших Дальний Восток выехали по окончании временной

Таблица 2

Коэффициенты миграционного прироста населения Дальневосточного федерального округа, мигрантов на 10 тыс. чел. общего населения

Субъект РФ	2005	2010	2015	2017	2018	2019
Республика Бурятия	–26	–24	–20	–35	–47	10
Республика Саха (Якутия)	–28	–71	–56	–48	–31	–3
Забайкальский край	–47	–46	–66	–74	–69	–52
Камчатский край	–199	–41	–53	17	–22	–51
Приморский край	–51	–35	–14	–29	–24	0
Хабаровский край	–93	–31	–37	–28	–37	–23
Амурская обл.	–100	–60	–47	–26	–43	0
Магаданская обл.	–180	–141	–118	–97	–187	–53
Сахалинская обл.	–104	–63	–27	49	–7	–22
Еврейская авт. обл.	–159	–49	–120	–119	–111	–65
Чукотский АО	73	–174	–117	–132	48	109
ДФО	–33	–46	–40	–35	–40	–14
РФ	20	19	17	14	9	19

Источники: Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010–2019; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2019 г.: Стат. бюлл. / Росстат. – М., 2019. – С. 50.

работы, но однозначно можно утверждать, что вместе с ними продолжается отток и постоянного населения. Снижение в 2019 г. значения отрицательного миграционного сальдо (до –11,7 тыс. чел. по сравнению с –33,1 тыс. чел. в 2018 г.) пока не может расцениваться иначе как эпизод.

Суммарное влияние трендов естественного и механического движений населения привело к дрящему уже почти 30 лет демографическому шоку. Численность населения региона за 1991–2020 гг. уменьшилась на 2,26 млн чел. (21,7%), если иметь в виду «расширенный регион» в границах 2018 г., и на 1,94 млн чел. (25,1%) для границ 1991–2017 гг. Сокращение численности населения произошло во всех дальневосточных субъектах РФ. Наибольшие относительные потери понесли субъекты северо-восточной зоны (Чукотский автономный округ, Магаданская и Сахалинская области, Камчатский край), монопродуктовая специализация экономики которых препятствовала появлению структурных альтернатив для рынка занятости, а социальная инфраструктура и качество жизни на этих территориях были заведомо неконкурентоспособны с точки зрения мигрантов, составлявших основу населения данных территорий, по сравнению с местами выхода этих мигрантов. Конечно, наиболее тяжелые потери населения в абсолютном выражении (почти 47% общего снижения численности) понесли четыре региона южной зоны (Приморский и Хабаровский края, Амурская область и Еврейская автономная область). Хотя их экономика была относительно более диверсифицированной, но именно на эти территории пришелся наибольший спад занятости в трудоемких обрабатывающих производствах, испытывавших максимальный структурный шок спроса после 1991 г. (табл. 3).

В 2002 г. в речи нового Президента РФ в г. Благовещенске было продекларировано возвращение государства к преференциальной политике на Дальнем Востоке. Была даже откорректирована принятая еще в 1996 г. «президентская программа» развития региона, которая, в свою очередь, представляла собой актуализированную для новых условий программу 1987 г. Закрепление населения, социальное развитие были упомянуты в этой новой программе (2002 г.) в качестве

Таблица 3

Численность и динамика населения Дальневосточного федерального округа, по состоянию на 1 января соответствующего года

Субъект РФ	Численность, тыс. чел.			Прирост/снижение, %		
	1991	2015	2020	1991–2020	1991–2015	2015–2020
Республика Бурятия	1 052,0	980,4	985,9	–6,3	–6,8	+0,6
Республика Саха (Якутия)	1 119,0	958,3	972,0	–13,1	–14,4	+1,4
Забайкальский край	1 317,9	1 085,2	1 059,7	–19,6	–17,7	–2,4
Камчатский край	478,5	316,7	313,0	–34,6	–33,8	–1,2
Приморский край	2 309,7	1 931,2	1 895,9	–17,9	–16,4	–1,8
Хабаровский край	1 624,7	1 336,4	1 315,6	–19,0	–17,8	–1,6
Амурская обл.	1 054,3	807,8	790,0	–25,1	–23,4	–2,2
Магаданская обл.	384,5	147,2	140,1	–63,6	–61,7	–4,8
Сахалинская обл.	715,3	487,8	488,3	–31,7	–31,8	+0,1
Еврейская авт. обл.	219,3	167,2	158,3	–27,8	–23,8	–5,3
Чукотский АО	158,1	50,2	50,3	–68,2	–68,3	+0,2
ДФО	10 433,3	8 268,6	8 169,2	–21,7	–20,8	–1,2

Источники: Регионы России: Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 57; Оценка численности постоянного населения на 1 января 2020 г. и в среднем за 2019 г. – URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls>.

одной из целей¹¹. Но и эта версия программы не внесла каких-либо изменений в общий демографический тренд. Вплоть до 2015 г. интенсивное вымывание населения продолжалось. Новые надежды вселила лавина институциональных новаций (введение режима территорий

¹¹ См.: Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года»: Утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 1996 г. № 480 (в ред. Постановления Правительства Российской Федерации от 19 марта 2002 г. № 169). – URL: <http://www.nsc.ru/win/sbras/bef/pos480.html>.

опережающего развития, бесплатная раздача земли, введение режима свободного порта Владивосток, усреднение энергетических тарифов для дальневосточных производителей, введение льготных цен для авиапассажиров и проч.) [8], обрушившаяся на Дальний Восток с 2015 г.

Правда, до настоящего времени обещанных в рамках масштабной пропагандистской кампании и подтверждавшихся неоднократно в оптимистичных реляциях об успехах изменений миграционной и демографической ситуаций на основе кардинального повышения качества жизни в результате прироста инвестиций, улучшения предпринимательского климата, повышения темпов перестройки структуры экономики, интеграции с Азиатско-Тихоокеанским регионом тоже не произошло. Но интенсивность отрицательной динамики населения заметно снизилась (см. табл. 3) благодаря отмеченной выше смене знака миграционного сальдо в ресурсных регионах, Приморском крае и Амурской области, куда инвесторы, привлеченные отчасти новыми льготами, отчасти поддержкой государственных ресурсов, а отчасти под давлением «мягкой силы» в форме политического императива направили значительные финансовые ресурсы, что потребовало сопутствующего потока трудовых ресурсов.

Но пока нельзя говорить о смене типа эндогенной демографической динамики, об изменении стратегии поведения коренных жителей и мигрантов, о принципиальных мотивационных сдвигах. Продолжают уезжать постоянные жители, явно что-то не устраивает тех, кто, приехав работать, потенциально мог бы остаться на более длительный срок, но по окончании своего контракта принимает решение покинуть регион. Отчасти ответ следует искать в сравнительной практике стимулирования привлечения населения в регион и закрепления его здесь.

ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ

В советский период политика привлечения населения на Дальний Восток и закрепления его в этом регионе опиралась на снижение уровня альтернативных доходов для прибывающих сюда и здесь проживающих. Гарантировалась оплата труда, в 1,5–2 раза превышаю-

шая средний уровень по стране¹². За счет государственных инвестиций создавались специфические системы жизнеобеспечения, способные бесперебойно функционировать в автономном режиме в условиях сурового климата, возводились объекты социальной инфраструктуры, обеспечивающие минимально необходимые потребности в социально значимых услугах (жилье, образовании, здравоохранении, культуре и спорте). Вполне естественно, что пространственные различия в экономических условиях функционирования предприятий и отраслей продолжались и в дифференциации условий жизни в городах и поселках, разбросанных по просторам макрорегиона. Тем не менее невзыскательный спрос дальневосточников на социальные услуги с их узким ассортиментом и низким качеством, включая перманентный дефицит жилья, был обусловлен отношением к проживанию как к временному, срок которого, как правило, не превышал период трудовой деятельности.

С 1990-х годов этот фундаментальный принцип был предан забвению. Альтернативный уровень доходов для дальневосточников резко повысился: в 1995–2019 гг. номинальная заработная плата в экономике ДФО выросла в 70 раз, в то время как в среднем по России – в 100 раз. Если в середине 1990-х годов оплата труда дальневосточников по номиналу (за счет соответствующих надбавок и коэффициентов, компенсирующих удаленность и суровые природно-климатические условия жизни) превышала среднероссийский уровень на 71%, то к настоящему времени преимущество сократилось всего до 18%. При этом отставание темпа роста реальной оплаты труда на Дальнем Востоке от средних российских темпов увеличивается именно с 2000 г., несмотря на существенное улучшение общеэкономической ситуации и декларирование разворота государственной политики в сторону Дальнего Востока (рис. 2).

В целом это свидетельствует о пробуксовывании региональной политики как института. Это связано с комплексом обстоятельств, в том числе с возобладавшим в постсоветский период унифициро-

¹² См.: Минакир П.А. Экономика регионов: Дальний Восток. – С. 378–379.

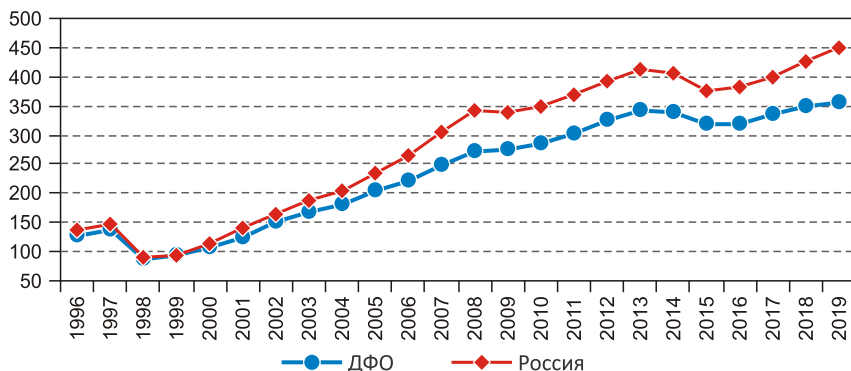

Рис. 2. Индекс реальной оплаты труда в Дальневосточном федеральном округе и в России, % (1995 г. = 100)

Источники: Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2002–2019; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2019 г.: Стат. бюлл. / Росстат. – М., 2019. – С. 58–59

ванным, среднестатистическим подходом к анализу ситуации и выработке мер реакции. В частности, на Дальнем Востоке существенно более важное значение в формировании денежных доходов населения имеет заработная плата. В среднем по РФ доля оплаты труда в общих доходах населения в 2019 г. составляла 58%¹³, а на Дальнем Востоке – 65–70% в южной зоне и до 75–80% в северной (рис. 3). При этом возможности получения высокой оплаты труда и иных доходов в этих регионах ограничены, а уровень заработной платы в самых массовых по численности работников отраслях (образовании, здравоохранении, культуре) значительно ниже, чем в добывающем или финансовом секторах региональной экономики. Данное обстоятельство задает существенные различия в возможностях формирования высоких доходов населения. К этому добавляется заметно меньшая роль в формировании доходов поступлений от предпринимательской деятельности и ренты от собственности, включая проценты по вкладам,

¹³ См.: Объем и структура денежных доходов населения РФ по источникам поступления. – URL: <https://www.gks.ru/folder/13397?print=1>.

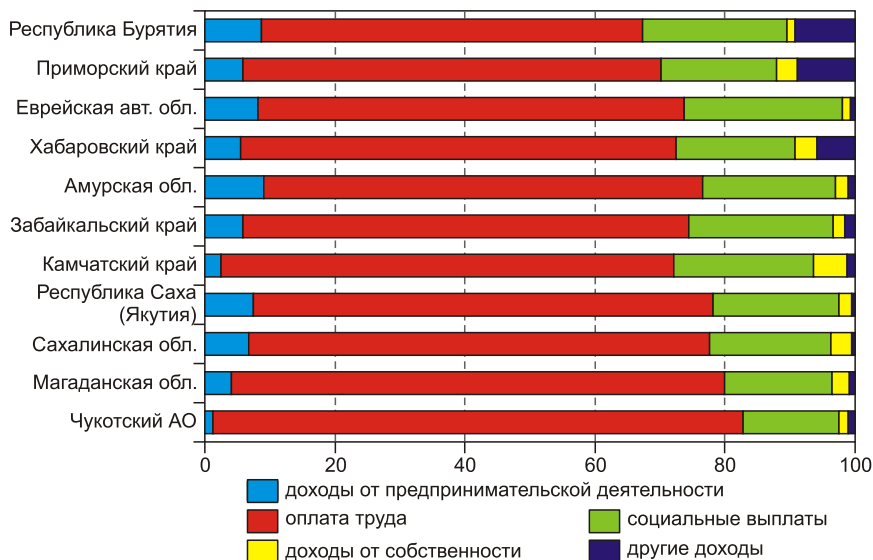

Рис. 3. Структура денежных доходов населения в субъектах РФ
Дальневосточного федерального округа, %

Источник: Регионы России: Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 224–225

ценным бумагам и инвестиционный доход¹⁴. При относительно слабом предпринимательском секторе в Дальневосточном регионе скорость его вымывания заметно превышает скорость ликвидации предприятий и организаций в других регионах страны. В 2018 г. в расчете на каждую тысячу предприятий и организаций в ДФО ликвидировано 155 единиц, тогда как в среднем по РФ – лишь 110, при том что на Дальнем Востоке малый и средний бизнес вообще развит весьма посредственно [1, с. 169–170]. Значение социальных трансфертов, составляющих 19–21% от всех доходов, наиболее заметно в tradi-

¹⁴ См.: Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. – ноябрь 2018 г. / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ; под ред. Т.М. Малевой. – М., 2018. – С. 30. – URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2018-12/19-12-2018-monitoring.pdf>.

ционно дотационных регионах: Еврейской автономной области, Забайкальском крае, Республике Бурятия, Республике Саха (Якутия), Камчатском крае и Амурской области.

Как результат, превышение уровня среднедушевых денежных доходов населения на Дальнем Востоке над среднероссийским уровнем уменьшилось с примерно 26% в 1995 г., что было связано с высокими номинальными доходами в районах Крайнего Севера, до 7% в 2019 г. При этом в четырех субъектах РФ уровень денежных доходов даже ниже, чем среднероссийский (в Амурской области – 93%, в Еврейской автономной области, Республике Бурятия и Забайкальском крае – 70–75%).

Тот факт, что распределение доходов на Дальнем Востоке более равномерное, чем в среднем по РФ, является очень слабым утешением. Действительно, коэффициент Джини по субъектам РФ на Дальнем Востоке варьирует сегодня в диапазоне от 0,349 до 0,405 при среднем по России значении, равном 0,413, за исключением Сахалинской области, где этот коэффициент равен 0,418. «Большая справедливость» в распределении доходов на самом деле свидетельствует об ограниченности видов деятельности, обеспечивающих более высокие доходы, а также об упомянутом выше превалировании доходов от оплаты наемного труда. Более высокое значение коэффициента Джини на Дальнем Востоке (0,405–0,418) имеют как раз те субъекты РФ, в которых сосредоточены добывающие производства с более высокой оплатой труда (Республика Саха, Сахалинская область, Чукотский АО)¹⁵.

При постоянно снижающемся относительном уровне доходов населения стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг на Дальнем Востоке оказывается значительно выше средней по России (рис. 4). В Камчатском крае, Сахалинской и Магаданской областях это превышение составляет 40–60%, в Хабаровском и Приморском краях – 25–30%, а в Чукотском АО – 80–100%. Относительно выше и затраты дальневосточников на оплату коммунальных услуг и содержание жилья. Если в среднем затраты на эти цели в стране

¹⁵ См.: *Регионы России: Социально-экономические показатели*. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm.

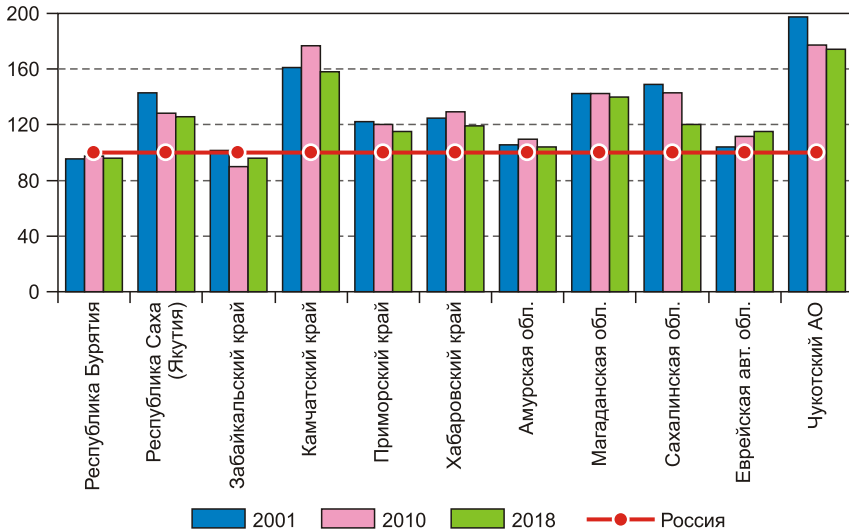

Рис. 4. Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в Дальневосточном федеральном округе (Россия = 100%)

Источники: Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2003; 2012; 2019

составляют 9,6% от общей суммы потребительских расходов, то у дальневосточников – 10,5%. При этом размер возмещения населением затрат, связанных с предоставлением жилищно-коммунальных услуг, предприятиям ЖКХ в ДФО официально установлен на значительно более низком уровне и составляет лишь 74,3% против 94,4% в целом по России. Но значительные удорожания в регионе приводят к тому, что даже при таком «льготном» режиме, например, на Чукотке 12,6% всех потребительских расходов – это расходы домашних хозяйств на оплату коммунальных услуг.

Все это приводит к тому, что покупательная способность доходов населения очень низкая, превышает в 2019 г. среднероссийский уровень только в трех северных регионах – Сахалинской области, Чукотском автономном округе и Магаданской области (в которых отклонение составило соответственно +0,62, +0,45, +0,06 ед. к показателю

РФ) благодаря более высокой оплате труда, формируемой в природно-ресурсном секторе экономики этих территорий.

Именно быстрый рост зарплаты в моносырьевых экономиках Дальневосточного региона обеспечил статистически наблюдаемое улучшение покупательной способности среднедушевых доходов по сравнению с 1995 г., когда ни в одном дальневосточном субъекте РФ не отмечалось превышения пенсий по отношению к среднероссийскому показателю. Быстрый рост соотношения зарплат и стоимости жизни в Сахалинской области, Республике Саха (Якутия), Магаданской области и Чукотском АО обеспечил улучшение статистической картины в 2019 г. по сравнению с 1995 г. В противном случае эта картина была бы еще печальнее даже с чисто статистической точки зрения из-за прогрессирующей «пенсионной бедности» (табл. 4).

Неудивительно, что на Дальнем Востоке в среднем уровень бедности более 20 лет остается выше, чем в целом по России, хотя количество всевозможных программ и проектов, предусматривающих в том числе и различные льготы для населения, за это время выросло, особенно после 2015 г. Доля лиц с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума после активного периода сокращения (2000–2012 гг.) седьмой год остается больше средней по стране: 15,7% на Дальнем Востоке против 12,6% в целом по РФ (рис. 5). Только в четырех дальневосточных субъектах РФ (Чукотский АО, Магаданская и Сахалинская области, Хабаровский край) в 2018 г. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в общей численности населения была меньше, чем в целом по стране. Это, конечно, лучше, чем в 2005 г., когда таким субъектом РФ был только Чукотский АО, но по-прежнему для основной части населения региона доля живущих за чертой бедности выше, чем в России в целом. Разумеется, это не может создавать позитивную мотивацию ни для потенциальных мигрантов, ни для тех, кто принимает решение уехать из региона или в нем остаться.

Конечно, сам показатель «прожиточный минимум» весьма одиозный, с очень большой натяжкой способный характеризовать реальные стандарты минимального бюджета домохозяйств на конкретных территориях, тем более на весьма неоднородных с точки зрения усло-

Таблица 4

**Соотношение доходов и минимальной стоимости жизни в субъектах РФ
Дальневосточного федерального округа и в целом по РФ**

Субъект РФ	Отношение к прожиточному минимуму					
	среднемесячной начисленной заработной платы		среднемесячных начисленных пенсий		среднедушевых денежных доходов	
	1995	2019	1995	2019	1995	2019
Республика Бурятия	1,64	3,43	0,76	1,28	1,23	2,20
Республика Саха (Якутия)	1,97	4,22	0,71	1,15	1,63	2,65
Забайкальский край	1,18	3,56	0,55	1,18	1,02	2,09
Камчатский край	2,32	3,86	0,69	1,09	1,83	2,55
Приморский край	1,80	3,51	0,75	1,16	1,50	2,78
Хабаровский край	1,78	3,51	0,78	1,23	1,42	2,88
Амурская обл.	1,99	3,89	0,82	1,28	1,66	2,70
Магаданская обл.	1,94	4,73	0,64	1,18	1,79	3,29
Сахалинская обл.	1,78	5,84	0,72	1,36	1,41	3,85
Еврейская авт. обл.	1,46	2,98	0,76	1,08	1,22	1,84
Чукотский АО	2,45	4,81	0,55	1,13	1,65	3,68
ДФО	1,98	4,02	0,76	1,21	1,45	2,69
РФ	1,79	4,35	0,92	1,38	1,95	3,23

Источники: Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2002; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2019 г: Стат. бюлл. / Росстат. – М., 2019. – С. 57, 59, 61; Величина прожиточного минимума. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/30957>.

вий функционирования рынков, условий доступа к ним, уровня конкуренции на локальных рынках и проч. В некоторой степени представление о степени такой неоднородности для отдельных территорий на Дальнем Востоке можно получить из данных об особенностях расселения в регионе. Хотя население в основном сосредоточено

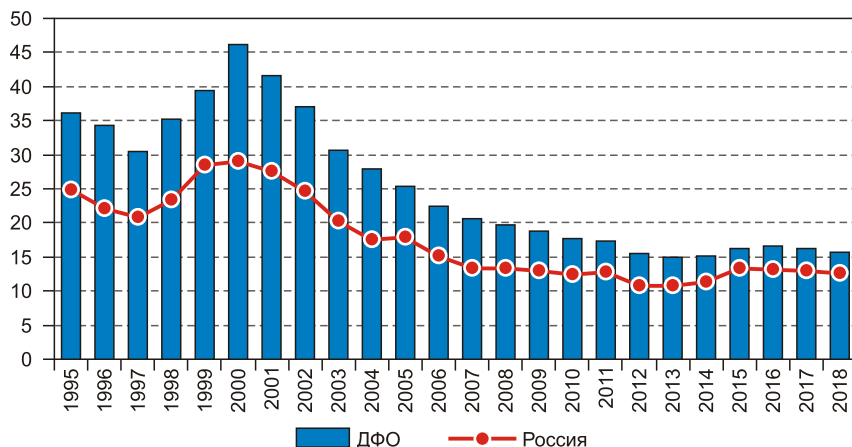

Рис. 5. Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения

Источники: Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2002–2019; Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленной в субъекте РФ. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/43713>

в городах и крупных поселках, каждый третий житель Дальнего Востока проживает в труднодоступном, значительно удаленном локальном поселении, для которого существуют сезонные ограничения по срокам, масштабам, форме завоза товаров и объективно узок перечень доступных благ и услуг.

Минимальная стоимость жизни настолько противоречиво отражает реальную картину, что использование этого показателя больше запутывает ситуацию с реальным уровнем доходов, чем проясняет ее. В литературе отмечаются как минимум четыре специфические функции, выполняемые этим показателем: 1) стоимостная оценка материального положения нуждающихся жителей регионов для формирования политики помощи и поддержки граждан в конкретном регионе; 2) обоснование финансовой помощи регионам для исполнения соответствующих полномочий; 3) рейтинговый показатель, отражающий в глазах федерального центра эффективность деятельности региональных органов власти; 4) индикатор эффективности проводимой

социальной и экономической политики¹⁶. К этому еще нужно добавить, что величина прожиточного минимума в каждом конкретном регионе очень тесно связана (и эта связь отрицательная) с возможностями местного бюджета. Неудивительно, что в субъектах РФ, включая и регионы ДФО, страдающих от хронических дефицитов, величина прожиточного минимума все чаще становится объектом манипулирования со стороны властей, стремящихся обеспечить свою номенклатурную результативность¹⁷.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

Существующий уровень доходов населения играет исключительно важную роль в формировании долгосрочной мотивации населения, но не менее, а для отдельных когорт населения, возможно, и более важную роль играют качество жизни и комфорт в долгосрочном плане, что определяется компонентами формирования и роста ценности человеческого капитала в виде масштабов и качественных характеристик социальной инфраструктуры, обеспечивающей функционирование сфер образования, здравоохранения, культуры и спорта, реализацию жилищной и социальной политики, другими словами – высоко развитую и комфортную среду обитания.

После 1992 г. насыщенность элементами социальной инфраструктуры на Дальнем Востоке стала стремительно убывать вследствие засилья коммерческих критериев развития и функционирования сети этих элементов. Количество детских садов и яслей уменьшилось в 2–3 раза, а на северных территориях – в 4–5 раз, что было связано не только с убылью населения в результате миграционного оттока, но и с активной политикой «избавления» ведомств от непрофильных видов деятельности и соответствующих объектов, находящихся на

¹⁶ См.: Гонтмахер Е. Устаревшие новации: почему Конституции не нужен прожиточный минимум // РБК. – 2020. – 30 янв. – URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/30/01/2020/5e3144a89a7947297b31c5c4>.

¹⁷ См.: Как прожиточный минимум стал политическим // Ведомости. – 2020. – 29 янв. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/01/29/821781-prozhitochnii-minimum>.

балансе промышленных предприятий, а также с отсутствием у местных бюджетов средств на содержание дошкольных учреждений. При этом усредненная статистика дает весьма искаженную картину реального положения вещей.

Так, например, по доступности дошкольных учреждений Дальний Восток в целом почти достигает среднероссийского уровня (66,3% детей посещают детские сады и ясли против 67,2% в среднем по стране). Но за этим скрывается чрезвычайная дифференциация пространственно распределенной потребности (рис. 6), обусловленная крайне неравномерным распределением населения на огромных пространствах региона. В северной зоне региона проживает только 30% населения и его плотность составляет 0,4 чел. на 1 кв. км, а на юге при 70% населения плотность его доходит до 3 чел. на 1 кв. км. Соответственно, даже изрядно разрушенная система социальных объектов

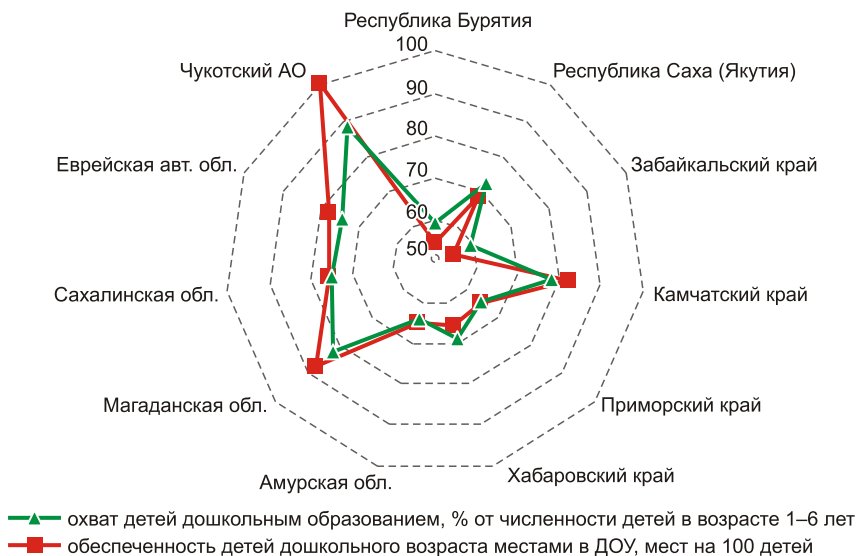

Рис. 6. Обеспеченность детей дошкольными учреждениями в Дальневосточном федеральном округе

Источник: Регионы России: Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019

в северной зоне в расчете на еще более быстрыми темпами уменьшавшуюся численность населения оказывается существенно многочисленнее, чем на населенном юге, определяющем основной потенциал развития экономики. Если на Чукотке, Камчатке, в Якутии, Сахалинской и Магаданской областях доля детей в возрасте 1–6 лет, посещающих дошкольные учреждения, составляет от 72 до 88%, то в южной зоне Дальнего Востока и Забайкалья не хватает около 40–45% мест.

При этом продолжавшееся по инерции вплоть до 1995 г. опережающее строительство дошкольных учреждений в Дальневосточном регионе резко сократилось и в последующие 15 лет (1995–2009 гг.) практически поддерживалось только Республикой Саха, где было введено 60% всех новых объектов. Только с 2010 г. этот процесс восстановился под влиянием активной государственной демографической политики, но лишь после 2015 г. Дальний Восток начал догонять общефедеральные параметры за счет преимущества в темпах строительства (рис. 7).

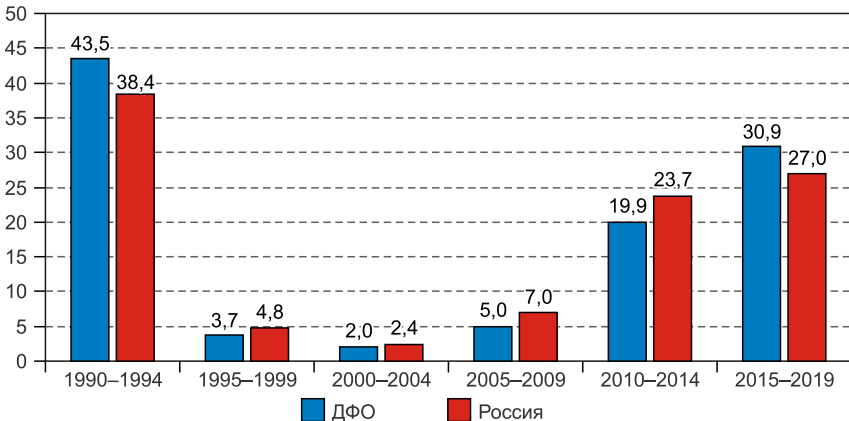

Рис. 7. Ввод в действие дошкольных учреждений в субъектах РФ Дальневосточного федерального округа, мест на 10 тыс. чел.

Источники: Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2000–2019; Социально-экономическое положение России. 2019 г.: Аналитический доклад / Росстат. – М., 2019. –
 URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_01/Main.htm

Если вопросы содержания детей дошкольного возраста могут быть решены различными вариантами, включая рынок частных услуг, то общеобразовательное обучение предполагает полный доступ детей соответствующего возраста к государственным (муниципальным) образовательным учреждениям. Отток населения в 1990-х годах объективно привел к уменьшению численности детей школьного возраста, что мотивировало идеологов «нацпроектов» на закрытие школ и оптимизацию всей системы начального и среднего образования ради повышения эффективности учебного процесса. К 2015 г., когда был зафиксирован абсолютный минимум численности учащихся, контингент школьников в регионах северной зоны Дальнего Востока составил всего 25–30% от уровня 1990 г., в регионах южной зоны – 40%, в Забайкалье – 50%. Количество общеобразовательных учреждений за тот же период сократилось на четверть. Для Дальнего Востока и Забайкалья это обернулось катастрофой, поскольку под сокращение попали в первую очередь школы в малых населенных пунктах, удаленных районах, где транспортная доступность ограничена не только отсутствием качественных дорог, но и метеоусловиями.

Несмотря на сменившийся тренд за счет роста рождаемости в сторону естественного пополнения контингента школьников, сокращение числа школ продолжается. Так, за 2015–2019 гг. количество образовательных организаций сократилось еще на 7,8%, а число учащихся, наоборот, увеличилось на 12%, и в перспективе его рост будет только продолжаться. Судя по тому, что ввод новых школ на Дальнем Востоке не только замедляется в расчете на 10 тыс. чел. населения по сравнению со среднероссийским показателем, но в 2015–2019 гг. впервые после 1995 г. он стал меньше, чем в РФ, в абсолютном выражении (24,2 тыс. мест против 34,8 тыс. в РФ), дальневосточным ученикам и их родителям придется еще долго мириться с худшими условиями обучения, в частности с тем, что 18% учащихся в целом по ДФО (против 12,8% в среднем по России) вынуждены заниматься во вторую и третью смены (рис. 8).

Основные показатели обеспеченности медицинскими услугами в Дальневосточном регионе традиционно лучше средних параметров по стране, поскольку сложившаяся система расселения заставляет

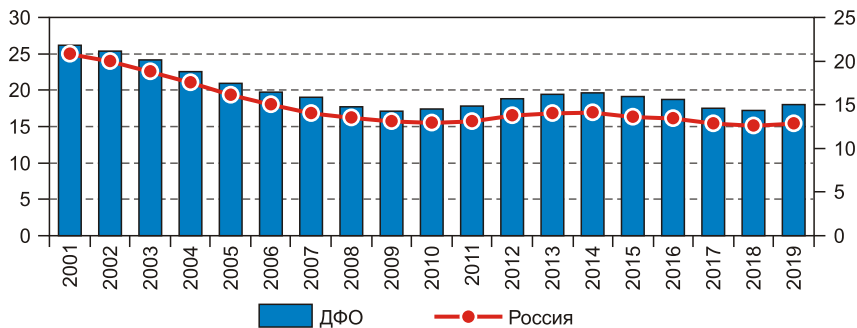

Рис. 8. Удельный вес учащихся школ, занимающихся во вторую и третью смены, в Дальневосточном федеральном округе и в России, % от общей численности учащихся

Источники: Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2002–2019

содержать разветвленную сеть медицинских учреждений в удаленных городах и поселках. Тем не менее возможности стационарного лечения для населения Дальнего Востока и Забайкалья за годы реформ снизились, чему в немалой степени способствовала реализация проектов по оптимизации и модернизации национальной системы здравоохранения. Если в 1990 г. на 10 тыс. чел. населения всего макрорегиона приходилось 148 больничных коек (в среднем по России – 137), то к 2018 г. этот показатель сократился на 34% и составил 97 коек (в среднем по России – 80). При этом заметен разрыв в размещении коечного фонда и медицинских кадров. Высокий уровень обеспеченности больничными койками сохраняют практически все северо-восточные субъекты ДФО, но большая часть квалифицированных медицинских кадров сконцентрирована в южной зоне макрорегиона, где расположены основные федеральные и региональные медицинские центры.

Однако самая серьезная проблема – это противоречие между обеспеченностью медицинской инфраструктурой, в чем Дальний Восток сохраняет за собой лидирующее положение среди других федеральных округов, с одной стороны, и самыми низкими показателями здо-

ровья населения – с другой. Больничные койки исправно вводятся в строй в регионе, причем относительно численности населения их вводится существенно больше, чем в среднем по РФ. Указанный разрыв особенно интенсивно нарастает после 2015 г., когда в расчете на 100 тыс. чел. населения в регионе было введено (за 2015–2019 гг.) более 28 тыс. коек против 14 тыс. в РФ¹⁸. И при этом продолжительность жизни в субъектах макрорегиона на 2–3 года отстает от среднероссийского показателя, а по отдельным территориям ситуация еще хуже. На Чукотке разрыв достигает 9,3 года, в Еврейской автономной области и Забайкальском крае – 4,0–4,3 года. Показатели младенческой смертности и смертности лиц в трудоспособном возрасте превышают среднероссийские.

Официальные релиции о росте доступности медицинских услуг явно диссонируют с хроническим дефицитом ресурсов (кадровых, материально-технических и финансовых), что формирует высокий уровень социальной эксклюзии, фактически отсекает жителей сельских и отдаленных северных районов субъектов ДФО от доступной и качественной медицинской помощи [4]. Непрерывные реформы здравоохранения приводят к перераспределению медицинского персонала и самих медицинских учреждений в пользу относительно крупных и развитых населенных пунктов. Для жителей малых поселений это становится если и не катастрофой, то мощнейшим фактором снижения качества жизни.

В течение 2000-х годов статистические показатели обеспеченности населения Дальнего Востока медицинской помощью улучшались, и бóльшая часть территорий стала входить в двадцатку лидеров по этому показателю. Но достигалось и достигается это преимущественно за счет сокращения численности местного населения. Улучшение статистики никак не сказалось на доступности медицинских услуг. Расширение перечня платных услуг при низком уровне доходов населения, особенно в периоды нетрудоспособности, существен-

¹⁸ См.: *Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб.* / Росстат. – М., 2000–2019; *Социально-экономическое положение России. 2019 г.*: Аналитический доклад / Росстат. – М., 2019. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_01/Main.htm.

но ограничило возможности профилактики заболеваемости и восстановления здоровья дальневосточников [3]. Одновременно продолжается не учитываемое официальной статистикой социальное расслоение внутри регионов, когда обеспеченность медицинскими услугами растет в крупных и центральных населенных пунктах за счет деградации малых и неперспективных поселений [2].

Не лучше обстоит дело и с таким предельно чувствительным для России фактором демографического поведения, как жилищные условия. Это зачастую играет решающую роль при формировании мотивационных намерений у потенциальных мигрантов, но также имеет большое значение для формирования мотивационных установок у постоянного населения, причем как с точки зрения миграции, так и с точки зрения планирования семьи. В этой сфере ситуация аналогична той, что уже обсуждалась относительно образования и медицины. Со статистикой все гораздо лучше, чем с реальным положением вещей. После 1990 г. в результате оттока населения из северных и восточных субъектов РФ средняя обеспеченность их населения жилой площадью стала заметно выше среднероссийского уровня (в Магаданской и Сахалинской областях, Чукотском АО и Камчатском крае). Но в целом по региону уровень обеспеченности жильем и в 2018 г. составил только 95% от среднероссийского, увеличившись по сравнению с 1990 г. (85%) в основном за счет сокращения численности населения: выезжая из региона, люди не могли прихватить с собой и квадратные метры¹⁹. Ввод нового жилья в регионе прогрессирующим образом отстает от среднероссийских показателей (рис. 9).

Ввод в строй нового жилья на уровне 1 кв. м на человека в год, что необходимо для нормального воспроизводства и обновления жилищного фонда, остается недостижимой мечтой в постсоветский период. Только Приморье и Якутия в последние годы показывают ввод около 0,6 кв. м в год на человека. Но существует еще и проблема качества жилья и его доступности. Низкие темпы строительства, а следовательно, и обновления приводят к увеличению площади жилья, требующего капитального ремонта и восстановления. Ухудшается и без того

¹⁹ См.: *Общая* площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/40466> .

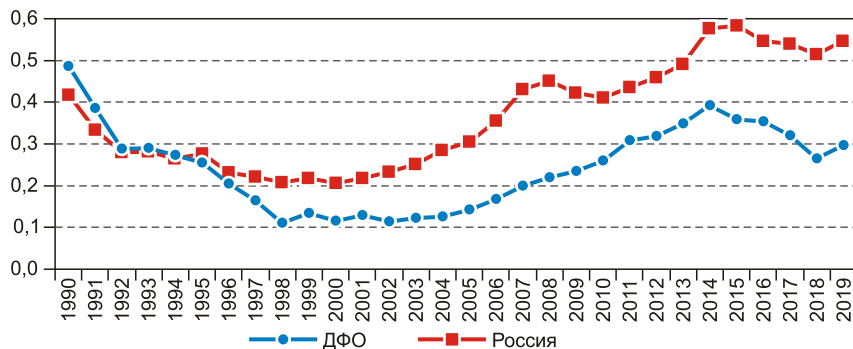

Рис. 9. Ввод жилья в Дальневосточном федеральном округе и в России, кв. м на человека в год

Источники: Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2000–2019; Социально-экономическое положение России. 2019 г.: Аналитический доклад / Росстат. – М., 2019. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_01/Main.htm

невысокое качество жилья, которое до сих обеспечено коммунальными услугами на 75%, что, конечно, соответствует среднероссийскому уровню, но не может быть притягательным мотивом для населения.

Усилия реформаторов по облегчению доступа дальневосточников к жилью посредством введения льготной ипотеки для некоторых категорий жителей только формально выглядят перспективной и масштабной институциональной новацией. На самом деле если измерять доступность жилья возможностью его приобретения в ипотеку, ситуация без всяких льгот выглядит небезнадежно. По версии агентства «РИА Рейтинг», в 2019 г. во многих субъектах РФ на Дальнем Востоке доля семей, которые могут себе позволить жилищную ипотеку, высока²⁰. Но, как и любая обобщенная информация, эта доля мало что говорит о реальном положении дел. Следует учитывать как минимум два обстоятельства: во-первых, рыночную стоимость жилья, а во-вто-

²⁰ См.: *Рейтинг регионов по доступности покупки семьями жилья в ипотеку.* – URL: <https://riarating.ru/infografika/20200311/630157302.html>.

рых, уровень доходов населения на конкретных территориях. Так, например, в Приморском крае согласно рейтингу только 20% семей могут позволить себе ипотеку на двухкомнатную квартиру. Но при этом Владивосток – самый дорогой город с точки зрения цен на жилье. А в Магаданской области почти 65% семей имеют возможность купить квартиру в ипотеку, но не столько благодаря высоким доходам, сколько из-за низкого спроса на жилье и низких цен на рынке. Учитывая вышеприведенные данные об отсутствии сколько-нибудь заметного превышения уровня доходов на Дальнем Востоке, следует понимать, что основным фактором доступности жилья является уровень спроса на него. А последний определяется демографической динамикой в конкретных регионах.

Немаловажный фактор, угнетающий доходы дальневосточников и связанный с рынком жилья, – высокая стоимость его содержания. Выше говорилось о том, что для дальневосточников применена льготная норма доли платежей в общей стоимости содержания жилья. Но и при этом плата за стандартную квартиру превышает среднероссийский уровень примерно в 1,5–2 раза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По прошествии 30 лет реформ, направленных на «повышение уровня и качества жизни населения в стране», и после ряда усилий по «созданию комфортных условий для жизни на Дальнем Востоке» факторы, препятствующие этим процессам, остаются неизменными. Во всяком случае, по мнению самого населения. В числе факторов, ограничивающих развитие человеческого капитала на Дальнем Востоке, сами жители макрорегиона называют

- ограниченный выбор мест квалифицированной работы;
- низкий уровень оплаты труда;
- отсутствие комфортного жилья или высокие цены на него;
- низкий уровень доступности и качества услуг социальной сферы (ЖКХ, образование, здравоохранение, культура);
- оторванность от центральной части страны из-за высоких транспортных тарифов на национальных и региональных маршрутах.

Является ли такое положение следствием плохого управления, основанного на дефектах управленческих идей и/или неумении их реализовать, или же это результат институционального провала, а точнее, крушения вообще институциональной парадигмы управления функционированием и развитием больших социально-экономических систем?

Обращение к логике исторического развития, подробный анализ которой выходил далеко за рамки настоящей статьи, но которая достаточно детально анализировалась в ряде научных публикаций²¹, дает основание утверждать следующее.

1. Общая идея заселения региона, создания и поддержания потенциала социального и демографического развития за счет формирования массированных стимулов для населения успешно реализовывалась, когда функционировала система прямого государственного патронажа, т.е. стимулы создавались и финансировались самим государством по всем прямым и обратным связям. То есть можно сказать, что идея или идеи формирования социально-демографической среды за счет создания системы положительных стимулов для населения сами по себе совершенно рациональны, хотя бы потому, что существуют эмпирические доказательства этого.

2. Данные идеи не могут быть реализованы или их реализация будет содержательно неубедительной, если инструменты прямого государственного регулирования и финансирования будут заменены (что и происходит в настоящее время) косвенными (институциональными) сигналами, которые могут сработать только при безусловном подчинении им экономических и управленческих агентов. Прямого преобразования этих сигналов через посредство промежуточных агентов социально-демографических систем не существует.

Поэтому позиция авторов заключается в том, что ответ на вопрос, вынесенный в заголовок настоящей статьи, таков: неудачи в стабилизации демографического потенциала и развитии социальной системы

²¹ См.: *Минакир П.А.* Экономика регионов: Дальний Восток; *Минакир П.А.* Региональная экономическая динамика: Дальний Восток. – Хабаровск: ДВО РАН, 2010. См. также: [8; и др.].

на Дальнем Востоке связаны с неверным акцентом государственной политики в этой области на «институциональное регулирование». То есть причина неудач – не институциональный провал, а провал институциональной парадигмы достижения программной цели.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 20-010-00818 А)

Список источников

1. Аганбегян А.Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // *Пространственная экономика*. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 165–187. DOI: 10.14530/se.2019.3.165-181.
2. Грицко М.А., Колбина Е.О. Пространственные деформации результативности системы здравоохранения // *Пространственная экономика*. – 2013. – № 4. – С. 107–121. DOI: 10.14530/se.2013.4.107-121.
3. Грицко М.А., Поливаева О.Г. Основные тенденции и результаты коммерциализации социальной сферы (на примере здравоохранения) // *Власть и управление на Востоке России*. – 2017. – № 3 (80). – С. 54–62. DOI: 10.22394/1818-4049-2017-80-3-54-62.
4. Дьяченко В.Г., Дьяченко С.В. Охрана здоровья населения Дальнего Востока России в условиях либеральной трансформации экономики и общественных отношений // *Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России*. – 2018. – № 3 (32). – URL: <http://www.fesmu.ru/voz/20183/2018301.aspx> (дата обращения: 06.04.2020).
5. Мотрич Е.Л. Демографическое развитие Хабаровского края: проблемы и перспективы // *Народонаселение*. – 2019. – Т. 22, № 3. – С. 30–46. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00025.
6. Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. О формировании населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2019. – Т. 12, № 1. – С. 53–69. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.3.
7. Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. – 2009. – № 2. – С. 47–67.
8. *Российский Дальний Восток на пути в будущее* / Под ред. П.А. Минакира; Ин-т экон. исследований ДВО РАН. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. – 395 с.
9. Рыбаковский Л.Л., Кожневникова Н.И. Восточный вектор демографического развития России // *Народонаселение*. – 2015. – № 1. – С. 4–16.
10. *Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050* / Под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; Ин-т экон. исследований ДВО РАН. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 912 с.
11. *Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития* / Под ред. П.А. Минакира; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. – Хабаровск: ДВО РАН, 2010. – 560 с.

Информация об авторах

Минакир Павел Александрович (Россия, Хабаровск) – доктор экономических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Института экономических исследований ДВО РАН (680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153, e-mail: minakir@ecrin.ru).

Найден Светлана Николаевна (Россия, Хабаровск) – доктор экономических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153, e-mail: naidensvetlana@mail.ru).

DOI: 10.15372/REG20200302

Region: Economics & Sociology, 2020, No. 3 (107), p. 30–61

P.A. Minakir, S.N. Naiden

SOCIAL DYNAMICS IN THE FAR EAST: THE DEFECT OF IDEAS OR THE FAILURE OF INSTITUTIONS?

The utmost priority for the Russian Far Eastern development and state policy in the region is to reduce population outflow and ensure the growth of human capital, which includes providing beneficial living conditions and high quality of life to its residents. Yet, despite newly established additional institutional incentives, special federal programs adopted, and two regions that joined the Far Eastern Federal District in 2018, the factors of social and demographic dynamics in the macro-region are still below the expected. An analysis of population movement indicators, household income and expenditure, quality of life in the FEFD regions (for all its eleven constituent entities, too) shows trends and results achieved in applying “indirect institutional incentives”. We conclude that, after 30 years of reforms to improve living standards and raise the quality of life nation-wide while in particular creating comfortable living conditions in the Far East, the obstacles to these processes remain in place. Consequently, failed efforts to stabilize Far Eastern demographic potential and develop a social system are mainly because public policies

in this area incorrectly focus on “institutional regulation”; that is, the failure lies in a collapsed institutional paradigm for achieving the programmed goal.

Keywords: demography; migration; household income and expenditure; poverty; quality of life; the Far East

For citation: Minakir, P.A. & S.N. Naiden. (2020). Sotsialnaya dinamika na Dalnem Vostoke: defekt idey ili proval institutov? [Social dynamics in the Far East: the defect of ideas or the failure of institutions?]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (107), 30–61. DOI: 10.15372/REG20200302.

*The research is prepared within the framework of the project
No. 20-010-00818 A supported by funding from the Russian Foundation
for Basic Research*

References

1. Aganbegyan, A.G. (2019). Razvitiye Dalnego Vostoka: natsionalnaya programma v kontekste natsionalnykh proektov [Development of the Far East: a national program in the context of national projects]. Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics], Vol. 15, No. 3, 165–181. DOI: 10.14530/se.2019.3.165-181.
2. Gritsko, M.A. & E.O. Kolbina. (2013). Prostranstvennyye deformatsii rezul'tativnosti sistemy zdравookhraneniya [Spatial deformation of the public health system effectiveness]. Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics], 4, 107–121. DOI: 10.14530/se.2013.4.107-121.
3. Gritsko, M.A. & O.G. Polivaeva. (2017). Osnovnyye tendentsii i rezul'taty komertsializatsii sotsialnoy sfery (na primere zdравookhraneniya) [The main trends and results of commercialization of the social sphere (on the example of health care)]. Vlast i upravleniye na Vostoke Rossii [Power and Administration in the East of Russia], 3 (80), 54–62. DOI: 10.22394/1818-4049-2017-80-3-54-62.
4. Dyachenko, V.G. & S.V. Dyachenko. (2018). Okhrana zdоровya naseleniya Dalnego Vostoka Rossii v usloviyakh liberalnoy transformatsii ekonomiki i obshchestvennykh otnosheniy [Protection of health of the population of the Far East of Russia in the conditions of liberal transformation of economy and public relations]. Vestnik obshchestvennogo zdоровya i zdравookhraneniya Dalnego Vostoka Rossii [Bulletin of Public Health and Healthcare of the Far East of Russia], 3 (32). Available at: <http://www.fesmu.ru/voz/20183/2018301.aspx> (date of access: 06.04.2020).
5. Motrich, E.L. (2019). Demograficheskoe razvitiye Khabarovskogo kraya: problemy i perspektivy [Demographic development of Khabarovsk kraj: problems and prospects]. Narodonaseleniye [Population], 3, 30–46. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00025.

6. *Motrich, E.L. & L.A. Molodkovets.* (2019). O formirovanii naseleniya i trudovykh resursov na Dalnem Vostoke Rossii [Shaping the population and labor resources in the Russian Far East]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], Vol. 12, No. 1, 53–69. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.3.
7. *Motrich, E.L. & S.N. Naiden.* (2009). Naselenie i sotsialnoe razvitie rossiyskogo Dalnego Vostoka [Population and social development of the Russian Far East]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2, 47–67.
8. *Minakir, P.A.* (Ed.). (2017). *Rossiyskiy Dalniy Vostok na puti v budushchee* [The Russian Far East: on the Way to Future]. Khabarovsk, ERI FEB RAS Publ., 395.
9. *Rybakovsky, L.L. & N.I. Kozhevnikova.* (2015). Vostochnyy vektor demograficheskogo razvitiya Rossii [Eastward vector of the demographic development of Russia]. *Narodonaselenie* [Population], 1, 4–16.
10. *Minakir, P.A. & V.I. Sergienko* (Eds.). (2011). *Sintez nauchno-tekhnicheskikh i ekonomicheskikh prognozov: Tikhookeanskaya Rossiya – 2050* [The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050]. Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Vladivostok, Dalnauka Publ., 912.
11. *Minakir, P.A.* (Ed.). (2010). *Tikhookeanskaya Rossiya – 2030: stsennyye prognozy i razvitiye regionalnogo razvitiya* [The Pacific Russia – 2030: Scenario Forecasting for Regional Development]. Khabarovsk, ERI FEB RAS Publ., 560.

Information about the authors

Minakir, Pavel Aleksandrovich (Khabarovsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Research Supervisor at the Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya st., Khabarovsk, Russia, 680042, e-mail: minakir@ecrin.ru).

Naiden, Svetlana Nikolaevna (Khabarovsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at the Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya st., Khabarovsk, Russia, 680042, e-mail: naidensvetlana@mail.ru).

Поступила в редколлегию 27.05.2020.

После доработки 28.05.2020.

Принята к публикации 28.05.2020.

© Минакир П.А., Найден С.Н., 2020